

Мемуары именинника

(к собственному 28-му дню рождения)

Говорят, что воспоминания детства всегда светлые, а иногда даже розовые. Может быть поэтому день моего рождения помнится мне как тёплая и ласковая июньская ночь. Правда, лошадь, на которой Отец привёз к нам на хутор к Матери фельдшеридцу по прозвищу «Нявка», была запряжена в сани.

Эта подробность запомнилась, потому что мои старшие предшественники – изгнанные по поводу моих родов на мороз – так расстроили лошадь своей многочисленностью, что она начала с отчаяния метаться и сломала у саней оглоблю. Бабка Шипичиха, жившая неподалеку, утверждала потом до самой своей кончины, что это не к добру. Впрочем, несмотря на это прорицание, я умудрился-таки её пержить.

А оглобля запомнилась, потому что и без того хлопотливая и сомнительная радость моего отца была омрачена необходимостью ремонтировать ту злополучную оглоблю. Однако речь всё же здесь не об оглоблях.

А жили мы в ту незабвенную пору, как я уже сказал, на хуторе возле кладбища. Тем не менее кончилось – или вернее началось – со мною всё благополучно. Правда меня так поразила новизна обстановки, что Нявке пришлось перетряхнуть весь скудный запас своих эскулапских воспоминаний, прежде чем я проявил первые признаки жизни.

Зато уж появившееся тогда, вдруг, желание жить не могли выколотить из меня все последующие двадцать восемь лет моей жизни. Когда уже в отрочестве мне напомнили эту историю с моим оживлением, я преисполнился такой радостью, что пьянствовал беспробудно в течение последующих пяти лет, пока, женившись, не понял, что радоваться в сущности нечему.

При этом мою радость всегда разделяли многочисленные товарищи и – хотя мы никогда и не делились причиной нашего безмерного счастья – я подозреваю, что и они – так же как я – появились на свет подавленные собственной пуповиной.

Но я отвлекся и немного забежал вперёд. Так вот о кладбище. На протяжении первых пяти лет оно было единственной моей детской игровой

площадкой, если не считать всего остального, что к нему примыкало. Воистину! – Чтобы понять человека, надо испить из его истоков (заодно утолив жажду от бессмысленно съеденных пудов соли).

Часто, сидя на кресте, который – с лёгкой руки моего предприимчивого, соседнего по возрасту брата – заменял нам то стремительный мотоцикл, то славного коня Буцефала, я думал о бренности Бытия и преходящности Приходящего. Этот немудрящий крест соорудили для своего почившего собрата кочевавшие когда-то мимо этих мест калмыки. Может быть поэтому мне с детства и на всю жизнь так близки дух странствий и миражи невиданных сторон!

В те первые пять лет я был – насколько помню – меланхоликом. И только много позже понял, насколько видоизменяется тип нервной системы с ареалом (да не обидит этот похожий на ругательство термин моих близких!). По крайней мере, когда я кончил школу – а было это через двенадцать лет после того, как я покинул милое моему сердцу кладбище – мой просвещённый в высшей школе наставник обозвал меня в характеристике сангвиником. Следующие одиннадцать лет урбанизации – на мой просвещённый в той же школе взгляд – постепенно, но уверенно сделали из меня холерика.

Однако вернёмся к тем первым и незабвенным пяти годам моей жизни, когда я ещё не был так сведущ в психологии. Так вот: то были лучшие и наиболее насыщенные годы моей жизни! Мимо меня с нарастающим гулом проносилась вторая послевоенная пятилетка, завершал свой славный и усыпанный щепками путь Великий кормчий, а маленькая собачка по имени Стрелка (а может быть Белка – так уж детально мне это не запомнилось) уже примеряла костюм Первого в истории человечества Космонавта..

Но самым решающим оказалось то, что в те же годы мне посчастливилось быть современником Эйнштейна. Правда, узнал я об этом гораздо позже. Зато, узнав, сразу понял, что имею все основания подвизаться в физике.

Здесь бы и поставить точку, сказав: «Чем и занимаюсь по сию пору.», поскольку все дальнейшие и не отмеченные здесь события незначительны и поблекли в моей памяти рядом с теми, что здесь отмечены.

Оборвать, конечно, придётся. Однако в последнее время мне всё назойливее кажется, что в ту же пятилетку я был современником Льва Николаевича Толстого...

Видно, что-то с памятью – годы, знаете. Так что пока кончаю

«Именинник»

www.literatur-viktor-prieb.de